

На правах рукописи

Евсеев Иван Валентинович

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ
СИСТЕМЫ СССР 1918 – 1941 гг. (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНО –
УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА): ИСТОРИКО – ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов 2011

Работа выполнена в Федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Самарский юридический институт ГУФСИН России».

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор
Финогентова Ольга Евгеньевна

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор
Смыкалин Александр Сергеевич

доктор юридических наук, профессор
Нижник Надежда Степановна

Ведущая организация – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный университет» (юридический факультет)

Защита диссертации состоится «06» июня 2011 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д – 212.239.02 при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права» по адресу: 410056 г. Саратов, ул. Чернышевского, д.104, ауд.102.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права».

Автореферат разослан «___» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

О. С. Ростова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется теоретической и практической значимостью широкого круга вопросов, связанных с формированием и развитием отечественной уголовно-исполнительной системы.

На современном этапе в стране происходит процесс реформирования уголовно-исполнительной системы на основе историко-правовых наработок, так как многие пенитенциарные методы и методики имеют конкретные исторические корни.

Развитие указанного направления требует всестороннего научного анализа истории развития уголовно-исполнительной системы в целях ее совершенствования. Вместе с тем принцип научности познания требует рассмотрения любого социального явления в его историческом развитии.

В этой связи возникает необходимость глубокого, всестороннего рассмотрения историко-правовых предпосылок, закономерностей и тенденций становления и развития системы исполнения наказаний в уголовно-исполнительном праве РСФСР и СССР в 1918 – 1941 гг., что, на наш взгляд, позволит дать объективную оценку перехода от пенитенциарного направления к исправительно-трудовому в развитии уголовно-исполнительной системы Советского государства, поможет раскрыть теоретическую и идеологическую основы данного перехода, объяснить причины и движущие механизмы формирования и развития уголовно-исполнительной политики, проводимой советской властью как на территории СССР в целом, так и на Южном Урале в частности, не только в 1920 – 40-е годы прошлого столетия, но и в более поздний период.

Указанными выше обстоятельствами, а также насущной необходимостью создания теоретической базы реформирования уголовно-исполнительной системы современной России определяется актуальность избранной автором темы диссертационного исследования и значимость его результатов.

Степень научной разработанности темы.

Историографию развития исправительно-трудовой системы можно разделить на четыре основных этапа.

Первый этап историографии охватывает 1920 – 1928 гг., когда на Западе и в России, а потом и в СССР, стали появляться работы по описанию и функционированию его уголовно-исполнительной системы.

Так, в 1923 г. С. В. Познышев¹ издал первое после Октябрьской революции, переработанное учебное пособие по тюрьмоведению для студентов юридических учебных заведений и практических работников под названием «Основы пенитенциарной науки». Вслед за С. В. Познышевым появились и другие исследователи, работы которых публиковались в «Административном вестнике». Это был ежемесячный журнал НКВД

¹ Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. – М.: Мосполиграф, 1923.

РСФСР, в котором были опубликованы первые научные статьи по исправительно-трудовому праву, написанные сотрудниками ГУМЗ Е. Г. Ширвиндтом, Ю. Ю. Бехтеревым, В. Р. Якубсоном, М. А. Кеслером, А. Ф. Шестаковой, Б. С. Утевским, Ф. М. Миллером².

Второй этап историографии охватывает 1930-е – середину 1950-х гг., когда историки и правоведы смогли проанализировать накопленный материал. Но выводы в СССР и на Западе были разными.

Проблемы истории уголовно-исполнительной системы СССР вызвали огромный интерес у зарубежных исследователей. Труды П. Бартона, Д. Даллина и Б. Николаевского, Т. Клиффа³, посвященные истории принудительного труда в нашей стране, были опубликованы в конце 40-х и в начале 50-х гг. Эти авторы в условиях отсутствия официальных статистических данных попытались методом экстраполяции определить число узников советских лагерей в 1934 – 1953 гг. (П. Бартон) и в 1931–1947 гг. (Д. Даллин и Б. Николаевский). Общее описание исправительно-трудовых лагерей представлено в работе Б. А. Яковлева «Концентрационные лагеря СССР»⁴. Ж. Росси опубликовал «Справочник по ГУЛАГу»⁵, содержащий термины, имевшие хождение в советских лагерях и колониях.

После смерти И. В. Сталина и прекращения репрессий во второй половине 1950-х гг. стали появляться труды по исправительно-трудовому праву, содержавшие критические оценки культа личности И. В. Сталина. Л. В. Багрий-Шахматов, Н. А. Беляев, М. А. Ефимов, А. Г. Крахмальник, И. С. Ной, Н. А. Стручков⁶, не смотря на критические оценки, рассматривали проблемы исполнения наказаний в рамках «классового» подхода, но в русле пропаганды гуманизма исправительно-трудового права в СССР.

Третий этап относится к концу 50-х – середине 80-х гг. Он начинается с постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30.06.1956г. Н. С. Хрущев в секретном докладе на XX Съезде КПСС указал на «деформацию социализма». Эта концепция легла в основу ряда научных публикаций таких историков как Н. Н. Маслов, Р. А. Медведев, Ю. А. Поляков, Н. Н. Федосеев и др., но она не встретила понимания у западных исследователей, перешедших от разрозненных публикаций к комплексным исследованиям истории ГУЛАГа.

В этот период наиболее ценными по содержанию можно считать работы Л. В. Багрий-Шахматова, Н. А. Беляева, В. А. Елеонского, А. Г. Крахмальника, А. Е. Наташева, Г. А. Туманова, И. В. Шмарова.

² Авербах И. Л. От преступления к труду. – М., 1936; Герцензон А. Л. Борьба с преступностью в РСФСР. – М., 1928; Кербер Е. Как советская Россия борется с преступностью. – М., 1933; Утевский Б.С. Как советская власть исправляет преступников. – М., 1930.

³ Barton P. L' institution concentrationnaire en Russie (1930–1957). P., 1959; Dallin D.J., Nicolaevsky B.I. Forced Labour in Soviet Russia. New Haven, 1947.

⁴ Яковлев Б. Концентрационные лагеря СССР. – Мюнхен, 1955.

⁵ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2-х ч. – М., 1991.

⁶ Багрий-Шахматов Л.В. Система уголовных наказаний и исправительно-трудовое право. – М., 1969; Крахмальник Л. Г. Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР. – Саратов, 1963; Стручков Н. А. Советское исправительно-трудовое право. – М., 1961.

Четвертый этап. Принципиально важным для отечественной социально-политической и социально-философской литературы стал период 1980 – 1990-х гг., когда открылся доступ к засекреченным документам, а главное – появилась возможность отстаивать свою позицию, не опасаясь преследований.

В конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг. сложились две точки зрения на природу репрессий в Советском Союзе. Так А. П. Бутенко, Д. Волкогонов, В. М. Курицын, Р. А. Медведев, Н. С. Симонов считали репрессии результатом отступления от основополагающих принципов социализма, а Ю. Борисов, А. Голубев, И. Клямкин, А. С. Ципко⁷ – закономерным итогом большевистской революции.

В 1989 – 1992 гг. многие документы ГУЛАГа становятся доступными более широкому кругу исследователей. В. Н. Земсков, А. Н. Дугин, В. В. Цаплин опубликовали материалы, раскрывающие динамику численности и качественного состава различных категорий репрессированных. Огромную работу проделали авторы серии статей «ГУЛАГ: структура и кадры»⁸, проследившие историю создания, функционирования и развития исправительно-трудовой системы.

Серьезные исследования, освещающие историю репрессий и деятельность конкретных лагерных комплексов на региональных материалах, имеются в ряде областей России (Западная и Восточная Сибирь, Республика Коми, Кировская область). В работах О. Азарова, О. Афанасова, В. Бердинских, Л. И. Гвоздковой, О. П. Еланцевой, А. А. Мить, Н. А. Морозова, А. Б. Суслова, В. Н. Уйманова, А. М. Широкова⁹ и других проведен глубокий анализ рассматриваемой проблемы.

В монографии Л. И. Гвоздковой прослеживается эволюция лагерной системы в Кемеровской области. В 2000 г. Н. А. Морозовым была защищена докторская диссертация «ГУЛАГ в Коми крае. 1929 – 1956», посвященная истории системы лагерей и спецпоселений на Европейском Севере страны. Деятельность Дальстроя в 1930-е гг. изучалась А. И. Широковым, а в монографиях О. П. Еланцевой обобщается опыт строительства БАМа силами заключенных. В статьях Л. И. Бородкина и С. Эртца¹⁰ освещаются способы организации трудового использования заключенных Норильлага.

Большое внимание в исторической и юридической литературе уделялось исследованиям в области правового развития и функционирования пенитенциарной системы в целом в СССР. В работах Ю. И. Стецовского и

⁷ Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. – 1988. – №11. – С.45–55; №12. – С.40–48; 1989. – №1. – С.46–56; №2. – С.53–61; №4. – С.175–181.

⁸ Кокурин А. И., Моруков Ю. Н., Петров Н. В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. – 1999. – №8. – С.109–128; №9. – С.110–123; №11. – С.107–125; №12. – С.94–111; 2000. – №1. – С.108–123; №2. – С.110–125.

⁹ Азаров О. И. Железнодорожные лагеря НКВД (МВД) на территории Коми АССР (1938 – 1959 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2005; Афанасов О. В. История Озерного лагеря в Иркутской области (1948 – 1963 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2001.

¹⁰ Бородкин Л. И., Эртц С. Труд в ГУЛАГе: динамика и структура рабочей силы в Норильлаге // Уральский исторический вестник. №9. – Екатеринбург, 2003. С.239–261.

П. Соломона раскрывалась правовая сущность советских репрессивных механизмов, был дан анализ деятельности карательных органов. Значимым событием стал выход в свет монографии А. С. Смыкалина¹¹, который представил комплексную характеристику советской системы исправительно-трудовых учреждений с 1917 до конца 1950-х гг. В своей работе автор предложил собственное видение исторической периодизации развития пенитенциарной системы, охарактеризовал формы вовлечения советских и иностранных граждан в систему принудительного труда.

Историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время, несмотря на появление огромного количества материала по функционированию исправительно-трудовой системы, ее структурных и региональных составляющих, проблема остается малоизученной. Вне поля зрения исследователей находятся многие ключевые проблемы теоретического и конкретно-исторического содержания на региональном уровне, без осмысления которых невозможно понять проводимую политику.

Объектом исследования в данной работе являются политико-правовые действия советской власти, направленные на организацию и развитие уголовно-исполнительной системы в целом в стране и конкретно на территории Южного Урала в 1918 – 1941 гг.

Предметом настоящего исследования, выступает советская уголовно-исполнительная система Южного Урала в 1918 – 1941-е гг., виды мест лишения свободы, уголовно-исполнительная политика, реализация которой происходила в названных учреждениях, а также социальные, экономические и идеологические условия развития самой системы.

Цель работы – выявить закономерности формирования и развития советской уголовно-исполнительной системы и их особенности на Урале в 1918 – 1941 гг. на основе рассмотрения нормативных актов; показать этапы формирования и развития системы; рассмотреть по периодам взаимодействие пенитенциарных и исправительно-трудовых компонентов в формировании системы как в целом по стране, так и на Южном Урале.

В соответствии с этой целью в исследовании сформированы следующие задачи исследования:

1. Соотнести влияние пенитенциарного и исправительно-трудового компонентов на развитие системы исполнения наказания на Южном Урале.
2. Определить, что можно отнести к пенитенциарному направлению в нормативно-правовых актах, и как они влияли на формирование и развитие уголовно-исполнительной системы СССР 1918 – 1941 гг.
3. Определить основные факторы, повлиявшие на развитие норм уголовно-исполнительного права и учреждений исправительно-трудовой системы в СССР.
4. Выделить основные этапы формирования уголовно-исполнительной системы на Южном Урале в 1918 – 1941 гг.

¹¹ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. – Екатеринбург, 1997.

5. Выявить специфику уголовно-исполнительной системы в Южно-Уральском регионе.

6. Дать характеристику процессу формирования и развития уголовно-исполнительной системы на Южном Урале в 1918-1941 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1918 до 1941 гг., т.е. с момента появления норм права, регулирующих работу исправительных учреждений, и до начала Великой Отечественной войны, в рамках которого выделяются следующие этапы развития *первый* (1918 – 1930 гг.) – этап формирования системы учреждений исполнения наказаний на Южном Урале; *второй* (1930 – 1941 гг.) – этап трудового использования спецконтингента и перерастания уголовно-исполнительной системы в исправительно-трудовую, когда правовые нормы были подменены ведомственными инструкциями и приказами.

Территориальные рамки исследования охватывают пространство Южного Урала, где в 1919 г. были образованы первые исправительно-трудовые лагеря, которые стихийно возникали на территории четырех губерний – Уфимской, Екатеринбургской, Оренбургской, Челябинской. Проведенная советской властью административно-территориальная реформа в конце 1923 г. позволила объединить эти выделенные территории в Уральскую область¹², в составе 16 округов, 205 районов, 87 городов.

На ее территории шел процесс формирования единой региональной уголовно-исполнительной системы с 1923 по 1934 гг. В 1934 г. территория Уральской области была разделена, и на ее основе возникли новые области – Челябинская, Курганская, Чкаловская (Оренбургская) и часть территории отошла от Башкирской АССР. Это относится к присоединению Аргаяшского района к Челябинской области.

Все это пространство было насыщено исправительно-трудовыми образованиями, имевшими на тот момент административно-территориальную и социально-экономическую общность и общую экономическую значимость. Необходимо отметить, что наименование «Южный Урал» часто используют для неофициального названия Челябинской области.

Методологическую основу диссертационного исследования составили: подходы и методы, относящиеся к методологическому аппарату гуманитарных наук и получившие распространение в историко-правовых исследованиях. Они включают:

общие методологические подходы научного познания и, прежде всего:

- принцип диалектики (рассмотрение предмета исследования в его развитии, логической определенности, исторической конкретности и диалектической связи между логическим и историческим способами познания, системности и всесторонности исследования),

- метод восхождения от конкретного к абстрактному, позволяющий

¹²Постановление ВЦИК РСФСР. «Положение об Уральской области» от 24 октября 1923 г. // Государственный архив РФ (ГАРФ) Ф. Р. 1235, оп. 25, д. 32, л. 2.

выразить объективную реальность во всем многообразии присущих ей черт, свойств и закономерностей, а также и другие общенаучные подходы (сравнительный, описательный и статический, методы анализа и синтеза, исторической реконструкции, аналогии).

Важное значение имели специально-исторические методы, среди которых нужно выделить:

- историко-типологический подход, позволяющий выявить общие черты в группе исторических явлений, требующие их однородного правового регулирования;

- историко-системный метод, который предполагает раскрытие внутренних механизмов действия общественно-политических систем, что требует адекватных им юридических форм.

Среди частно-научных методов, которые были использованы при написании данной работы, следует назвать:

- формально-юридический метод, используя который стало возможно проанализировать и оценить политические и правовые акты того времени не только как исторические документы, но и как юридические источники, свидетельствующие о направлении развития правовой системы в целом в конкретный период. При этом использование историко-юридического подхода позволило провести исследование основных правовых характеристик подготавливавшихся и реализовывавшихся правительством реформ.

- метод государственного и правового моделирования позволил выявить характеристики отдельных правовых институтов того времени на основании современных теоретических знаний об основных чертах указанных правовых институтов.

Кроме того, в работе использованы исторические и историко-правовые методы типизации, ретроспекции, исторического моделирования и др.

По методологическим основам данное диссертационное исследование является историко-юридическим, соответствующим предметной области истории государства и права.

Источниковая база исследования включает в себя как неопубликованные, так и опубликованные документы и материалы, которые можно классифицировать по следующим группам: нормативные правовые акты, делопроизводственная документация, статистические материалы, документы личного происхождения, мемуары и периодическая печать.

Большую ценность для нашей темы представляют нормативные правовые акты, которые содержатся в Собрании узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, Собрании законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. Это основополагающие документы, определившие структуру, основные принципы деятельности органов, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Особую группу источников составляют общегосударственные и ведомственные нормативные акты, изданные в 1920 – 1930-е гг., а также сборники ведомственных документов.

В данной работе в основном используются материалы Государственного архива РФ (ГА РФ): документы из фонда ГУЛАГа МВД СССР (Ф. 9414) и фонда МВД СССР (Ф. 9401), а также опубликованные документы из этих и других архивных фондов.

Их можно сгруппировать следующим образом: первая группа представлена документами официальной направленности, которые определяли действия властей по формированию и развитию уголовно-исправительной системы. Эта группа подразделяется на две подгруппы. Первую подгруппу представляют документы правового характера, в которых закреплялись основополагающие направления функционирования системы. Это нормативные акты, опубликованные в открытой печати. Вторую подгруппу представляют документы служебного характера, направленные с соответствующим грифом на места для руководства к действию. Это различные инструкции, предписания, распоряжения и приказы и т.д.

Вторую группу – делопроизводственная документация – составили как опубликованные, так и неопубликованные материалы Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Государственного архива МВД Челябинской области, Государственного архива Курганской области (ГАКО) и т.д.

В зависимости от характера информации целесообразно выделить несколько подгрупп источников во второй группе. К первой подгруппе относится делопроизводственная документация исправительно-трудовых учреждений Челябинской, Оренбургской, Курганской областей. Эту подгруппу в свою очередь можно подразделить еще на два направления: материалы ГУЛАГа и других главков НКВД-МВД (годовые отчеты по основной деятельности; отчеты по труду; докладные записки о работе ГУЛАГа; докладные о наличии, движении и трудовом использовании заключенных; обзоры, докладные записки; справки о состоянии лагерей и колоний; литерные дела лагерей) и документация самих лагерей (годовые отчеты по основной и подрядной деятельности, приказы управлений лагерей, колоний, тюрем и комендатур).

Вторую подгруппу составляют материалы партийных органов: протоколы партийных конференций и собраний, докладные записки о работе политотделов лагерей.

К третьей подгруппе относятся материалы статистических управлений: отчеты о выработке продукции в натуральном выражении; докладные записки о проверке выполнения планов; сводки о работе промышленности по отраслям; сопоставительные таблицы итогов работы промышленности по областям и экономическим районам; сводки о числе предприятий и рабочих.

Четвертую подгруппу формируют документы предприятий, использовавших рабочую силу заключенных на контрагентской основе. Сведения о численности этого спецконтингента содержатся в объяснительных записках к годовым бухгалтерским отчетам предприятий, статистических отчетах о выполнении планов по труду и зарплате, месячных статистических отчетах о численности работников.

Воссоздание подлинного, а не декларируемого исторического опыта требует обращения к архивным данным. В ходе работы над темой соискателем изучено около 300 дел из 10 фондов 4 центральных и 10 местных архивов: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, бывший РЦХИДНИ, ранее ЦПА ИМЛ); Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, бывшие ЦГА РСФСР и ЦГАОР СССР); Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИАРБ, бывший ЦГА БАССР); Государственного архива Курганской области (ГАКО); Государственного архива Свердловской области (ГАСО); Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО, бывший ПАСО); Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), состоящего из фондов бывшего государственного архива Челябинской области (ГАЧО) и Центра документации новейшей истории Челябинской области (ЦДНИЧО, ранее ПАЧО). А также архивы историко-краеведческих музеев Верхнеуральска, Златоуста, Челябинска, Верхнего Уфалея и архивов текущих документов четырех учреждений ГУФСИН России по Челябинской области.

Отдельные аспекты правоприменительной политики, мер борьбы с преступностью нашли свое отражение в статьях лидеров Советского государства – В. И. Ленина, И. В. Сталина,¹³ а также работах ученых-юристов и сотрудников советского государственного аппарата 1920 – 1930-х гг. А. Я. Вышинского, Н. В. Крыленко¹⁴, опубликованных в периодической печати и отдельными изданиями.

Научная новизна работы обуславливается тем, что в работе впервые в отечественной историко-юридической науке исследуются этапы формирования и развития уголовно-исправительной системы Южного Урала в 1918 – 1941-х годах. Анализ влияния уголовно-исполнительного законодательства позволил выявить основные особенности пенитенциарного и исправительно-трудового компонентов при формировании и развитии системы учреждений, исполняющих наказание, а также позволил выявить региональные особенности этого формирования.

В начале исследуемого периода регулирование деятельности мест лишения свободы на Южном Урале во многом производилось местными

¹³ Ленин В. И. Как организовать соревнование // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. – М., 1969. Т. 35. – С.195–205; Сталин И. В. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса // Сталин И. В. Сочинения. В 14-ти т. Т. 12. – М., 1949. – С.178–184.

¹⁴ Крыленко Н. В. Судостроительство в РСФСР. – М., 1924; Вышинский А. Я. Судостроительство в СССР.– М, 1936.

властями. Единой системы правовых норм не существовало из-за различной подчиненности учреждений разным ведомствам и органам.

Затем появились кодифицированные акты, однако, правовое регулирование деятельности мест заключения во многом стало определяться ведомственными актами НКВД, НКГБ и их местных органов, недоступными для простых граждан. Данные акты во многом ориентировали уголовно-исполнительную систему на выполнение экономических планов, а не на перевоспитание спецконтингента.

Научная новизна выражается также в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Исправительно-трудовое и пенитенциарное направления являются частью уголовно-исправительной системы государства, но состоят из разных составляющих, ориентированных на разные цели. Пенитенциарная система ориентирована на исправление осужденных на основе раскаяния, а исправительно-трудовая система нацелена на использование спецконтингента на экономических объектах государства.

2. Пенитенциарное направление развивалось в СССР до 1928 г., когда был проведен последний съезд пенитенциариев СССР. К этому направлению можно отнести нормы права, которые регламентировали досрочное освобождение от наказания и предусматривали вопросы ресоциализации граждан в процессе отбывания наказания и после него. Этому процессу способствовала работа наблюдательных, распределительных комиссий, а также работа комитетов помощи осужденным.

3. Наряду с пенитенциарным направлением параллельно развивалось исправительно-трудовое направление, которое начало оформляться в период Гражданской войны и было поддержано лидерами Советского государства. Нормы уголовно-исполнительного права на начальном этапе были призваны узаконить имеющийся опыт формирования исправительно-трудовых лагерей и опыт трудового использования спецконтингента. А с появлением норм исправительно-трудового права система полностью была перестроена на трудовое использование осужденных.

4. Реализация двух направлений развития уголовно-исполнительной системы определила два основных этапа развития учреждений системы на Южном Урале.

Первый этап (1918 – 1930 гг.) – период формирования уголовно-исполнительной системы Южного Урала, когда пенитенциарное и исправительно-трудовое направления реализовывались в нормах права и учреждениях исполнения наказания на Южном Урале.

Второй этап (1930 – 1941 гг.) – период масштабного трудового использования спецконтингента системы. Период лагерной экономики.

5. В 1918 – 1930 гг. в зависимости от конкретного уезда, города, района, области формировалась своя система исполнения наказаний и система учреждений, их исполняющих, в которых сочетались пенитенциарные и исправительно-трудовые компоненты.

К пенитенциарным компонентам можно отнести работу распределительных комиссий при исправительных лагерях в Верхнеуральске и Златоусте, Челябинске, наблюдательных комиссий и комитетов помощи осужденным при Златоустовском изоляторе. Сюда же можно отнести систему зачетов и трудовое воспитание в колониях Южного Урала.

Другое направление было ориентировано на трудовое использование осужденных, и оно реализовывалось в полном объеме в 1930 – 1940 гг. на производственных площадках Магнитогорска, Челябинска.

6. Начиная с 1930 г., пенитенциарное направление было вытеснено исправительно-трудовым направлением, и в связи с этим уголовно-исполнительная система стала рассматриваться лидерами государства как экономическая составляющая государственных планов. Для этого было изменено уголовно-исполнительное законодательство.

7. В соответствии с высказываниями руководителей государства нормы уголовно-исправительного права в 1930-е гг. были переработаны в исправительно-трудовом направлении. В связи с этим основным местом исправления осужденных стал исправительно-трудовой лагерь, который формировался у промышленного объекта. Сам лагерь иногда обрастал лагерными отделениями, командировками, лагпунктами и т.д. Это привело к тому, что к 1941 г. на территории Южно-Уральского региона возникли целые «кусты» учреждений, которые не только обеспечивали строительство промышленных объектов, но и являлись сосредоточением рабочей силы городов. Число заключенных иногда превышало более 40% от общего числа жителей населенного пункта. Получалось, что свободные граждане и заключенные жили по единым нормам, только одни под вооруженной охраной, а другие в собственных местах проживания.

8. Уголовно-исполнительная система СССР в период 1918 – 1941 гг. развивалась в русле трудового использования спецконтингента, и в силу этого обстоятельства пенитенциарной ее называть нельзя.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученное новое знание в значительной степени заполняет пробел в историко-правовой науке, относящийся к вопросу формирования и развития учреждений уголовно-исполнительной системы как в целом по стране, так и в отдельном регионе. В ходе исследования на конкретных примерах удалось четко выделить пенитенциарный и исправительно-трудовой компоненты уголовно-исполнительной системы.

Содержание диссертации, сформулированные в ней положения и выводы представляются значимыми для разработки формирующегося в настоящее время нового научного направления пенитенциарной политики.

Фактический материал, обобщения и выводы диссертации могут быть использованы при подготовке учебных пособий, разработке лекционных курсов и спецкурсов по истории Отечественного государства и права, истории уголовно-исполнительной системы.

Положения и выводы, изложенные в диссертации, позволяют извлечь необходимые уроки из исторического прошлого страны и выработать правильные, научно-обоснованные направления пенитенциарной политики в современности.

Научная апробация результатов исследования.

Представленные материалы используются в курсе уголовно-исполнительного права и в курсе лекций по новейшей истории России в Челябинском государственном университете и Челябинском юридическом институте МВД.

Значительная часть материала используется в подразделениях ГУФСИН России по Челябинской области с целью подготовки сотрудников к службе. Представленный материал печатался и печатается на страницах ведомственной газеты ГУФСИН России по Челябинской области «На переломе», а так же в брошюрах и буклетах по истории пенитенциарных учреждений Челябинской области. По материалам диссертации составлено две постоянно действующих выставки в Вехнеуфалейском и Верхнеуральском историко-краеведческих музеях, а также выпущена книга, посвященная 95-летию Верхнеуральской тюрьмы.

Основные положения и выводы работы отражены в опубликованных работах. Результаты исследования были доложены автором и обсуждались коллегами на заседании кафедры «Истории государства и права» (УрГЮА г. Екатеринбург) и на научных конференциях: II Научно-просветительской конференции РГФ (Казанский юридический институт МВД, Казань в 2007 г.); VII Уральской родоведческой научно-практической конференции (ноябрь 2007 г. г. Екатеринбург); Международной конференции РИПО (г. Москва МГУ им. Ломоносова, ноябрь 2007 г.); Международном научно-практическом семинаре «Профилактика правонарушений и преступлений несовершеннолетних» (Челябинский юридический институт МВД 2008 г.); «Актуальные вопросы историко-правовой науки» (Всероссийская конференция РИПО 2008 г.); «Право и политика: история и современность» (Региональная конференция Омская академия МВД 2009 г.); IX Всероссийская конференция «Урал индустриальный. Бакунинские чтения» (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН Екатеринбург 2009 г.); «Правовая система России: современное состояние и актуальные проблемы» (I Всероссийская научно-практическая конференция, Москва 2009 г.).

Структура диссертации обусловлена объектом, предметом, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и источников, а также 10 приложений, что позволяет в полной мере обеспечить выполнение сформулированных целей и задач исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность, хронологические и территориальные рамки исследования, раскрываются цели и задачи работы, анализируются историография и источниковая база проблемы, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации.

В первой главе – «Историко-правовой анализ развития уголовно-исправительной системы в Советской России» – сопоставляются понятия «Пенитенциарная» и «Исправительно-трудовая» система.

В первом параграфе – «Пенитенциарный и исправительно-трудовой компонент в советской системе исполнения наказания в 1918 – 1941 гг.» – дается развернутое обоснование понятий «пенитенциарное направление» и «исправительно-трудовое направление».

Стоит отметить, что пенитенциарное и исправительно-трудовое направления присутствовали в уголовно-исполнительной политике Советского государства в 20 – 30 гг. XX века. В 1920-е гг. система мест лишения свободы рассматривалась руководством СССР вполне традиционно – как структура для изоляции профессиональных уголовных преступников и как подсистема аппарата подавления политических противников, которых в зависимости от политической и экономической обстановки можно было либо направить на общественно полезные работы, либо уничтожить.

В уголовно-исправительных учреждениях присутствовали такие пенитенциарные элементы, как школы и мастерские при учреждениях, где осужденные обучались специальностям, которые могли понадобиться в обычной жизни, т.е. учреждения были ориентированы на перевоспитание граждан. В этом же направлении при учреждениях действовали специальные комиссии с правом решения вопроса о дальнейшем содержании осужденного в заключении¹⁵.

О деятельности таких комиссий можно судить по докладу Уральской областной распределительной комиссии за IV кв. 1925 г., в котором содержатся следующие данные: «...разобрано 2 053 ходатайств заключенных, из них распределено по местам заключения в соответствии со ст. 16 Исправительно-трудового кодекса – 10 человек, переведено из одного разряда в другой в порядке п. 2 ст. 16 – 4 человека, снята строгая изоляция со 185 человек»¹⁶.

Осужденные, проявляющие старание и желание в освоении специальности, прилежно учащиеся, не нарушающие режим, по решению распределительной комиссии могли по отбытию 2/3 срока быть выпущены из мест лишения свободы, причем комиссия определяла им место жительства и место работы, позволявшее обеспечивать себя и возможную семью средствами для существования. Это тоже могло носить пенитенциарные черты.

С 1924 г. после принятия ИТК исправительный труд становился

¹⁵ Утвержденный ВЦИК 16 октября 1924 г. «Исправительно-трудовой кодекс РСФСР», СУ. – N 86, – Ст. 870.

¹⁶ ГАСО. Ф.258, оп.1, д.43, л.35–36.

обязательной основой исправления в учреждениях лишения свободы, а воспитательные мероприятия отходили на второй план. В конце 1926 г. руководство РСФСР рекомендовало использовать заключенных на лесоповале, что было отражено в нормативных документах. С принятием первого пятилетнего плана и постановления СНК о колонизации северных территорий начался другой период, который назвали по наименованиям нормативных документов исправительно-трудовым. Этот период в истории исправительной политики в СССР не может считаться пенитенциарным по своему содержанию, так как он не имел институтов ресоциализации. Осужденных отправляли на окраины государства, где уже не занимались их обучением, а использовали их физическую силу лесорубов и землекопов. При этом охранный и административный состав лагерей из-за своей малочисленности не мог проводить воспитательную работу. Во многих лагерях функции охраны и управления передавались «социально-близким» осужденным из среды профессиональных уголовников, которые устанавливали свои порядки.

Исправительно-трудовая система была сориентирована на освоение северных территорий страны и строительство гигантов индустриализации. Раскулаченные, заключенные учреждений и даже определенные этнические группы, за которыми не было персональных судебных приговоров, стали попадать в систему ГУЛАГа¹⁷.

Новое направление в формировании уголовно-исполнительной системы было задано постановлением СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения»¹⁸. В области исправительно-трудовой политики постановление предписывало Народному комиссариату внутренних дел ограничить льготы и ужесточить наказание с увеличением сроков заключения за нарушения в лагере.

Превалирование карательного элемента в уголовно-исполнительной политике свидетельствует не только о цели уголовного наказания, но и о новых средствах его воздействия в учреждениях. Исправительно-трудовой кодекс указывал на различные виды учреждений, но основным являлся исправительно-трудовой лагерь.

Правовым основанием реализации «нового» курса карательной политики государства стало Постановление ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 г. «Об изменении ст. 13, 18, 22 и 38 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», установившее новые виды уголовных наказаний. В число мер социальной защиты судебно-исправительного характера были введены меры, связанные с лишением свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР¹⁹. Лагерь становился самым распространенным видом учреждений системы, который можно было в короткие сроки развернуть у

¹⁷ Bunyan, James. The Origin of Forced Labor in the Soviet State, 1917–1921. P.89–179.

¹⁸ Сборник нормативных актов по Советскому исправительно-трудовому праву.– М.1959.– С.202.

¹⁹ СЗ СССР.1929. – №72. – Ст.686.

любой строительной площадки. После выполнения планов строительства лагерь также быстро ликвидировался.

Планы государства были довольно большими, и в связи с этим число граждан, попадающих в уголовно-исполнительную систему, с каждым годом увеличивалось. Построенных в царское время тюрем, исправдомов стало не хватать.²⁰ Для содержания вновь образовавшегося спецконтингента и в интересах эффективности исполнения наказания создавались исправительно-трудовые колонии, которые дополняли лагерь. Эти исправительные учреждения характеризовались краткосрочностью содержания, где в соответствии с режимом содержания предусматривалось трудовое использование на производственных площадках. Из-за краткосрочности содержания осужденных в колониях экономические планы не могли быть выполнены в сроки. Это становилось целой проблемой для исправительных учреждений. Но в дело вмешалась государственная политика, в угоду которой сроки заключения были увеличены, а основным исправительным учреждением становилась не колония, а лагерь. В русле нового направления исправительно-трудовые колонии рассматривались как вспомогательные для концентрации рабочей силы для лагерей. Лагеря становились масштабными – с десятками тысяч людей, а охраны и администрации просто не хватало. Так на строительстве «Беломорканала» охраны и администрации было всего 30 человек на 100 000 заключенных. То же самое наблюдалось на строительных площадках «Магнитостроя» и Челябинского металлургического комбината. Людей не хватало, и в связи с этим не было возможности вести воспитательную работу в полном объеме, да и политические установки требовали не перевоспитания, а конкретных трудовых результатов в виде выработки и выполнении планов. Воспитательный элемент в свете новой политической доктрины постепенно вытеснялся исправительно-трудовым, т.е. своего рода карательным.

В середине 1929 г. был принят «ускоренный вариант» первого пятилетнего плана, что потребовало концентрации ресурсов (в том числе и трудовых) на строительстве крупных промышленных и транспортных объектов. Общее направление всего последующего развития системы было задано принятым 11 июля 1929 г. Постановлением СНК «Об использовании труда уголовно-заключенных»²¹. Стоит отметить, что данное постановление определяло направление исправительной политики до 1953 г.

Общую тенденцию превращения любого института «исправительной» системы в инструмент использования рабочей силы можно было проследить и вне системы исправительно-трудовых лагерей. Так, например, начиная с 1934 г. даже политизоляторы со специальным режимом содержания передавались в систему ГУЛАГа для последующего трудового использования. Все элементы уголовно-исправительной системы получали

²⁰ Сырых В. М. Н. В. Крыленко – идеолог советского правосудия. – М., 2003. – С. 129.

²¹ ГАРФ. Ф. 5446. оп. 1, д. 48, лл. 210-211. Цит. Лубянка ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917-1960.: Справочник/ сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – М., 1997. – С. 64-65.

экономическое направление. Учреждения наполнялись спецконтингентом за счет проведенных чисток и других акций. Подобные методы позволили собрать в исправительно-трудовую систему около 12 миллионов человек,²² не всегда имевших на то приговоры суда и конкретной вины.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что советская уголовно-исполнительная система не может называться пенитенциарной, так как она была ориентирована на трудовое использование заключенных. Пенитенциарная система – это система, ориентированная на процесс раскаяния и перевоспитания. Все элементы этой системы функционируют в направлении на ресоциализацию. Основным местом исправления в такой системе считается тюрьма. Об этом говорят классики пенитенциарного направления.

Исправительно-трудовой же система становится в тот момент, когда труд становится основным элементом системы, и вся система формируется и развивается вокруг него. В этом случае нормы права, исправительная политика и работа учреждений представляются не как система исправления, а как система реализации экономических планов государства.

Во втором параграфе - «Пенитенциарные элементы в законодательстве Советской России» – говорится о том, что в первые годы советской власти как в законодательстве, так и в непосредственной жизни учреждений уголовно-исполнительной системы, наблюдалось пенитенциарное направление, которое выражалось не только в нормах права, но и в работе наблюдательных, распределительных комиссий, а также в помощи гражданину в трудоустройстве после отбытия наказания. В последующие годы с изменением законодательства на первое место было поставлено трудовое использование спецконтингента. Получилось, что пенитенциарный элемент был вытеснен из законодательства исправительно-трудовым. Сама исправительная система приобрела трудовое направление и получила свое новое название – «исправительно-трудовой».

В третьем параграфе – «Формирование института трудового использования спецконтингента исправительных учреждений» – описываются попытки использования заключенных на предприятиях при местах заключения еще в конце 1920-х гг. Этот вопрос обсуждался, в частности, на Всесоюзном совещании пенитенциарных работников в октябре 1928 г., где в качестве положительного примера отмечался тот факт, что ежедневно на производстве было занято 50 000 заключенных уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем в порядке критики указывалось, что наряду с крупными фабрично-заводскими предприятиями имелись очень мелкие ремесленные мастерские, а также места лишения свободы, где вообще не было никакой производственной базы. В резолюции совещания ставилась задача занять всех осужденных трудом на собственном

²² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923 – 1960: Справочник / сост. М. Б. Смирнов. Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского – М., 1998. – С.25–27, 29–30, 34–35, 37, 40–42, 45–46.

производстве и внутрихозяйственных работах и иметь в виду самоокупаемость исправительно-трудовых учреждений²³.

В 1928 г. появился опыт массового использования заключенных на лесозаготовительных работах²⁴. На основе этого 11 июля 1929 года Совнарком СССР принял Постановление, которым возложил на ОГПУ СССР задачу формирования и развития экономической жизни в наименее доступных регионах государства. Освоить этих территории планировалось «посредством использования труда изолируемых опасных элементов»²⁵.

В интересах выполнения экономических планов было принято решение об изменении законодательства с тем, чтобы систему принудительного лагерного труда привести в соответствие с нуждами плано-социалистической, а по сути – сверхмилитаризированной экономики. Известно, что именно заключенные сооружали крупнейшие заводы и железные дороги, каналы и электростанции – ни одна значительная стройка первых и последующих пятилеток не обошлась без труда осужденных. Так, на Южном Урале были построены Магнитогорский комбинат, Челябинский металлургический комбинат, Челябинская ГЭС, Уфалейский никелевый комбинат. Для освоения залежей железной руды в районе п. Бакал Челябинской области предполагалось развернуть строительство металлургического комбината, где должен был возникнуть исправительно-трудовой лагерь союзного подчинения²⁶. В других местах были организованы специализированные исправительно-трудовые управления, занимавшиеся железнодорожным строительством, лесной и тяжелой промышленностью, другими важнейшими отраслями экономики Советского Союза.

Следует отметить, что в период с конца 1930-х по начало 1940-х гг. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР фактически перестает действовать, законодательная регламентация исполнения наказаний была вытеснена закрытыми для общественности ведомственными нормативными актами.

Советским законом было предопределено основное назначение исправительно-трудовых лагерей – использование рабочей силы заключенных для решения крупных народно-хозяйственных задач. Необходимо отметить, что, превратив лагеря в источник практически бесплатной и постоянно пополняемой рабочей силы, сталинский режим успешно решал многие проблемы формирования материально-технической базы Советского государства, развития инфраструктуры, освоения северных и восточных регионов страны. Именно с учетом обеспечения решения этих задач проводилась работа по формированию лагерей.

²³ Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР. Первое Всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей 15–21 октября 1928 г. – М., 1929 – С.24.

²⁴ Росси Ж. Указ. соч. С.164, 165.

²⁵ Уголовно-исполнительное право России: учебное пособие.– М., 2001.– С.85

²⁶ Пр.001581 НКВД СССР от 17.11.1941 г. Цит. по: Система исправительно-трудовых лагерей СССР. – М., 1998.

В 1939 г. план капитальных работ по подразделениям исправительно-трудовой системы, предварительно намеченный на исполнение в объеме 3,2 млрд. рублей, был увеличен еще на 1 млрд. Это же повторилось в 1940 г.: первоначальная цифра 3,4 млрд. за счет новых заданий была доведена до 4,5 млрд. рублей²⁷.

К началу марта 1940 г. в исправительно-трудовой системе насчитывалось 53 лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний (включая 170 промышленных), 50 колоний для несовершеннолетних. По данным на 1 января 1940 г. 27% заключенных лагерей и колоний составляли осужденные по «контрреволюционным» статьям. 38,4% заключенных были осуждены на сроки от 5 до 10 лет. Заключенные в возрасте до 40 лет составляли 74,1%. Деятельность исправительно-трудовой системы охватывала 17 отраслей промышленности, среди которых лидировал лесной комплекс, выпустивший продукции на сумму 730,3 млн. рублей. Деревообрабатывающая промышленность ГУЛАГа в 1940 г. должна была выпустить продукции на 412,2 млн. рублей, швейная – на 359,8 млн. рублей, горно-металлургическая – на 297,3 млн. рублей, металло-, лесобрабатывающая и машиностроительная – на 233,2 млн. рублей, рыбная – на 138,3 млн. рублей, текстильная – на 127,8 млн. рублей, топливодобывающая – на 126,3 млн. рублей. В объеме продукции, планируемой ГУЛАГом к выпуску в 1940 г., 33,3% приходилось на товары широкого потребления. Среди производственных структур ГУЛАГа ведущее место в 1940 г. занимали промышленные колонии Управления ИТК: их продукция оценивалась в 883 млн. рублей. УИТК выпускало мебель, спецукупорку, металлорежущие станки и мелкосортный прокат, суррогатную обувь (из корда старых автомобильных покрышек) и мешковину, газогенераторы и лесовозные тележки, байковые одеяла и обмундирование, чугунную посуду и крепеж. Немногим уступали лагеря Управления лесной промышленности, до 1938 г. в основном удовлетворявшие нужды ГУЛАГа: в 1940 г. они выпустили продукции на 871,9 млн. рублей. Далее шли лагеря Управления горно-металлургической промышленности – 325 млн. рублей, колонии для несовершеннолетних – 233,3 млн. рублей, лагеря Отдела топливной промышленности – 154,6 млн. рублей, рыбные лагеря сельскохозяйственного отдела – 138,3 млн. рублей.

К этому надо добавить, что стоимость транспортных средств, рабочих машин, аппаратов, передаточных и силовых установок составляла всего 419,2 млн. рублей. Иными словами, преобладал тяжелый ручной труд²⁸.

Для обеспечения столь значительных программ нужны были новые рабочие руки, и их поиском руководство НКВД было озабочено в первую очередь. Со второй половины 1940 г. были приняты чрезвычайные указы об уголовной ответственности за прогулы и самовольное оставление работы, за мелкие кражи на производстве и хулиганство. В результате принятия этих

²⁷ Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929 – 1941 года // Свободная мысль. 1992. – № 13. – С.79–80.

²⁸ Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я. Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. – 1994. – № 6. – С.188–189.

указов у НКВД появился новый источник пополнения лагерей. Осужденные по этим указам получали незначительные сроки исправительно-трудового заключения и подлежали отправке в лагерь. Постановлением от 10 сентября Совнарком разрешил НКВД осужденных к лишению свободы использовать в исправительно-трудовых колониях и лагерях, а не в тюрьмах, где можно было организовать воспитательный процесс.

На 1 января 1941 г. количество заключенных в лагерях и колониях достигло почти 2 000 000, а трудпоселенцев – 930 000.²⁹

Таким образом, в 1920-е – 1930-е гг. советская уголовно-исполнительная система из сугубо исправительной с пенитенциарным направлением превратилась в экономическую составляющую планов государственного развития, монополизировавшую ряд отраслей промышленности за счет дешевой рабочей силы. Ее основу составляли заключенные и спецпоселенцы, значительная часть которых была сосредоточена на Урале.

К началу 1940-х гг. возможности пополнения системы принудительного труда за счет заключенных и «раскулаченных» были практически исчерпаны.

Во второй главе – «Развитие уголовно-трудовой системы на Южном Урале» – проводится историко-правовой обзор развития исправительно-трудовой системы в Южно-Уральском регионе.

В первом параграфе – «Хронологические этапы развития исправительно-трудовой системы» – представлена авторская периодизация этого развития.

Уголовно-исполнительная система СССР пережила два основных этапа своего развития.

Первый этап пришелся на 1918 – 1930 гг., когда новая власть пыталась найти оптимальный нормативный вариант, во многом легитимный для своей исправительно-трудовой политики. Прежде всего, были приспособлены под экономические нужды здания и сооружения уголовно-исправительной системы царской России. В этот период по всей России организовывались исправительно-трудовые лагеря, в том числе и на Южном Урале которые рассматривались властью как экспериментальные³⁰. Таким образом, шла апробация новых учреждений системы, позволивших в последующем провозгласить принцип: от тюрем – к исправительно-трудовым учреждениям принудительного труда, то есть – к лагерям и колониям. Исправительно-трудовые колонии были своеобразным резервом рабочей силы, которая по необходимости передавалась в лагерь. Режим в колониях, возможно, был мягче, чем в лагерях.

Второй этап пришелся на 1930 – 1941 гг. В этот период многие нормы формировались в соответствии с требованиями экономической

²⁹ Хлевнюк О. В. Указ.соч. С.80–81.

³⁰ ОГАЧО. Ф.Р-138, оп.1, д.27, л.203–203об; Букреев А. В. Книга регистрации заключенных Нижнетагильского концентрационного лагеря № 2.// Региональный банк данных: Урал в XX в. Тезисы рабочего совещания. Ноябрь 1993. – Екатеринбург, 1993. – С.65.

целесообразности. В это время законодательная инициатива масс полностью была заменена административным решением. Вся система была ориентирована не на исправление осужденных, а на экономическое использование контингента специальных учреждений. Именно в этот период исправительно-трудовая система достигла своего пика развития. Так, в Челябинской области на 1941 г. в системе находилось: 18 лагерей и ИТК, 6 изоляторов, 1 особая тюрьма, 40 спецпоселений и две колонии для несовершеннолетних³¹.

Во втором параграфе – «Формирование уголовно-исполнительной системы в губерниях и областях Южного Урала в 1918 – 1930 гг.» – делается вывод о том, что в Челябинской губернии, а позже на юге Уральской области, в период с 1917 по 1930 гг. советская власть занималась поиском приемлемой системы исполнения уголовного наказания. Эта новая система, по замыслу организаторов, должна была реализовывать наказание как таковое и одновременно отвечать политическим замыслам – использованию спецконтингента в качестве трудовых ресурсов. На Южном Урале для этих замыслов новая власть использовала старые сооружения уголовно-исполнительной системы, оставшиеся от царской России. На основе этих учреждений возникли первые лагеря принудительных работ для трудоспособных осужденных, а также исправительные колонии для трудового резерва осужденных. При каждом учреждении в этот период действовала специальная распределительная комиссия в соответствии с приказами и декретами СНК и Комиссаров юстиции, а с 1924 г. данные комиссии действовали на основе нового уголовно-исправительного кодекса.

Также в этот период власть организовала специальные исправительные учреждения для изоляции врагов советской политической системы, где этих осужденных предполагалось содержать на особом режиме содержания. На Южном Урале таким учреждением стала Верхнеуральская и Челябинские тюрьмы – политические изоляторы. Таким образом, в отличие от всей России на Южном Урале накануне первой пятилетки исправительная система приобрела свой новый вид – старые учреждения использовались как стартовые площадки для новых учреждений. И к концу указанного периода количество первых и вторых было равным. Но вторые учреждения – лагеря – в этот период стали более востребованными, поскольку в полной мере отвечали политическим и экономическим замыслам советской власти.

Дальнейшее развитие пенитенциарной системы Челябинской области связано с развитием системы исправительно-трудовых колоний и лагерей, которые объединялись на основе «кустового» принципа.

Но к 1930 г. «кустовая» система не была окончательно сформирована из-за слабости связей между учреждениями и отсутствия потребности в рабочих руках. Для ее развития не была составлена нормативная база: исправительно-трудовое законодательство еще не было адаптировано под нужды экономики, несмотря на то, что исправительная политика уже имела

³¹ ОГАЧО.Ф.Р.-1075, оп.1, д.111, л.15.

опыт этой работы. Например, в 1927 г. на территории современной Челябинской области было 6 тюрем, которые к этому времени были преобразованы в пересыльные (или изоляторы временного содержания), 4 лагеря, 2 колонии для несовершеннолетних и 1 сельскохозяйственная ИТК, а также 1 политизолятор. Они не имели четких хозяйственных связей между собой и представлялись самостоятельными исправительно-трудовыми учреждениями с собственным контингентом в зависимости от назначения лагеря или тюрьмы.

Данными по Уральскому региону подтверждаются выводы о прошедшей в 1920-х – 30-х гг. эволюции советской уголовно-исполнительной системы, превратившейся из сугубо «исправительной» в экономического монстра, монополизировавшего целый ряд отраслей промышленности за счет эксплуатации дешевой рабочей силы.

В третьем параграфе – «Исправительно-трудовая система Южно-Уральского региона в 1930 – 1941 гг.» – анализируются изменения исправительной системы Южного Урала в период с 1930 г. по 1941 г. Так, Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. во многом утратил свою силу и все чаще пенитенциарные нормы стали подменяться новыми подзаконными актами, т.е. приказами и распоряжениями наркоматов.

С принятием первых пятилетних планов все изменилось для исправительных учреждений, работавших по экономическим планам, которые необходимо было выполнять. Для решения индустриальных задач на Южном Урале сосредоточили целый ряд исправительных учреждений и приблизили их к промышленным объектам. С использованием существующих тюрем на Южном Урале возникали целые «кусты» учреждений, где правовое положение людей и самих объектов определяли приказы НКВД. Основу «куста» составляла тюрьма или бывший центральный лагерь принудработ, при которых или вблизи которых возникала ИТК или лагерь, а непосредственно на промышленных площадках создавались лагерные отделения.

Новый Исправительно-трудовой кодекс 1933 г. закрепил в себе положения подзаконных актов, которые уже сформировались на местах де-факто. Провозглашенный лозунг «От тюрьмы – к исправительно-трудовым лагерям» воплотился в жизнь. Так, в Челябинской области в связи с изменениями осталось две тюрьмы, которые так же были ориентированы на промышленные площадки.

Именно на промышленных площадках происходило соприкосновение различных социальных групп, которые пополнили ряды осужденных. Здесь встречались профессиональные уголовники и граждане, совершившие преступление впервые, а также политические и даже целые социальные категории граждан. На территории Южного Урала этот контингент составлял от 45% и больше. Иногда спецконтингент сокращали при помощи высшей меры социальной защиты, когда не хватало жилплощади, одежды и даже орудий труда.

Но все же, надо это отметить, почти половину контингента составляли осужденные по уголовным статьям, а другая половина формировалась из политических. Также на стройках встречалась и другая категория граждан, которая формально считалась полусвободной – спецпереселенцы, а в период Великой Отечественной войны – трудармейцы. Но все содержались за колючей проволокой и под охраной или в спецпоселках при комендатурах НКВД (как в гг. Карабаше и Верхнем Уфалее), которых было более 40 в поселках только в Челябинской области. В целом вся система учреждений на Южном Урале представляла собой «куст», из центра которого, как ветви, отходили учреждения.

В «кусте», как правило, были представлены все виды исправительно-трудовых учреждений, за исключением тюрем, которых было уже мало, поскольку тюрьмы в 1930 – 1940 гг. не строились. В целом, от этого вида исправительных учреждений руководство уголовно-исполнительной системы желало отказаться в скором будущем, подготовив соответствующую норму.

В вышеуказанных учреждениях содержался спецконтингент, с которым происходили изменения различной направленности. Из ИТК людей, способных к труду, передавали в лагерь или лагерное отделение, а нетрудоспособных – обратно в ИТК для оценки их трудпригодности и приведения в соответствие с действующей исправительно-трудовой нормой. При этом примерно 50% спецконтингента всегда было нетрудоспособным. Это повлияло на инициативу с мест об освобождении граждан, осужденных на небольшой срок, а также граждан из кулацкой ссылки.

В заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Основные выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. *Евсеев, И. В.* Страницы истории, становления и развития Верхнеуральской тюрьмы. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2009. – 158 с. (19 п.л.).

Публикации в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации научных работ, отражающих основное содержание диссертаций:

2. *Евсеев, И. В.* Развитие уголовно-исправительной системы как фактор укрепления национальной безопасности России / И. В. Евсеев, В. Е. Хвощев // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Челябинск: Изд-во ГОУ ВПО Южно-Уральского гос. ун-та, 2005. №7. С.122–129.(0,9 п.л.).

3. *Евсеев, И. В.* Верхнеуральская тюрьма: история пенитенциарного учреждения / И. В. Евсеев // Вест. Челябинского гос. ун-та. Челябинск: Изд-во ГОУ ВПО Челябинского гос. ун-та, 2007. №21. С.75–81.(0,5 п.л.).

4. *Евсеев, И. В.* Верхнеуральский политический изолятор («особая») тюрьма / И. В. Евсеев, А. С. Смыкалин // Вопросы истории. Москва, 2008. №3. С.83–91.(0,7 п.л.).

5. *Евсеев, И. В.* Организация исправительно-трудовых учреждений в 30 – 50 гг. XX века / И. В. Евсеев // Вест. Челябинского гос. ун-та. Челябинск: Изд-во ГОУ ВПО Челябинского гос. ун-та, 2009. №23. С.33–38.(0,5 п.л.).

6. *Евсеев, И. В.* Попытки правового регулирования репрессивной политики местных властей в 1917 – 1927 гг. / И. В. Евсеев // Вест. Челябинского гос. ун-та. Челябинск: Изд-во ГОУ ВПО Челябинского гос. ун-та 2010. №9. С.122–126.(0,5 п.л.).

Статьи в научных сборниках и материалах научных конференций:

7. *Евсеев И. В.* История учреждения Т-1 / И. В. Евсеев // 125 лет уголовно-исправительной системе Челябинской области. Челябинск: Изд-во ГУП ЧПО «Книга», 2004. С.173–183.(1 п.л.).

8. *Евсеев, И. В.* Развитие уголовно-исправительной системы как фактор укрепления национальной безопасности России / А. А. Кулькова, И. В. Евсеев // Политико-социальные фрагменты безопасности: науч.-исслед. раб. студентов-политологов / под ред. В. Е. Хвощева. Челябинск: Изд-во ГОУ ВПО Южно-Уральского гос. ун-та, 2006. С.456–486.(5 п.л.).

9. *Евсеев, И. В.* К вопросу о периодизации советской пенитенциарной системы / И. В. Евсеев, А. С. Смыкалин // Труды кафедры новейшей истории России / под ред. С. А. Баканова. Т.1. Челябинск: ООО «Издательство Рекпол», 2007. С.61–65.(0,3 п.л.).

10. *Евсеев, И. В.* Пенитенциарная система как фактор, влияющий на генеалогические исследования.// Союз за возрождение родословных традиций: мат. науч.-практ. конф. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2007. С.21–25.(0,3 п.л.).

11. *Евсеев, И. В.* Политический дискурс по вопросу о количестве заключенных в сталинской исправительно-трудовой системе / И. В. Евсеев, В. Е. Хвощев // Вест. Южно-Уральского гос. ун-та. Челябинск: Из-во ГОУ ВПО Южно-Уральского гос. ун-та 2007. №24. С.66–70.(0,4 п.л.).

12. *Евсеев, И. В.* К вопросу о количестве заключенных в исправительно-трудовой системе Советской России (1919 – 1956 гг.) // Труды кафедры новейшей истории России / под ред. С. А. Баканова. Т.2. Челябинск: ООО «Издательство Рекпол», 2008.С.34–39.(0,5 п.л.).

13. *Евсеев, И. В.* Развитие пенитенциарной системы в СССР в отношении несовершеннолетних (два основных направления) / И. В. Евсеев // Юридическая теория и практика: вестн. Челябинского гос. ин-та МВД. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ин-та МВД, 2008. №2. С.99–103.(0,3 п.л.).

14. *Евсеев, И. В.* К вопросу о применении уголовного наказания в виде лишения свободы / И. В. Евсеев // Актуальные вопросы историко-правовой науки: мат. конф. Российского историко-правового общества. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2009. С.82–86.(0,3 п.л.).

15. *Евсеев, И. В.* К дискурсу об истории кодификации Российского законодательства / Т. И. Евсеев, И. В. Евсеев // Актуальные вопросы историко-правовой науки: мат. конф. Российского историко-правового

общества. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2009. С.86–92.(0,4 п.л.).

16. *Евсеев, И. В.* Истоки и развитие пенитенциарной политики в Советской России / И. В. Евсеев // Право и политика: история и современность: мат. регион. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2009. С.20–28. (0,8 п.л.).

17. *Евсеев, И. В.* К вопросу об истоках пенитенциарной политики в Советской России. // Труды кафедры новейшей истории России / под ред. С. А. Баканова. Т.3. Челябинск: ООО «Издательство Рекпол», 2009. С.32–45.(1,2 п.л.).

18. *Евсеев, И. В.* Развитие исправительно-трудовых учреждений в Челябинской области в 30 – 50 гг. XX века. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат. IX Всеросс. науч. конф., посвященной 85-летию д.и.н., профессора А. В. Бакунина. Т.2. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО Уральского гос. ун-та, 2009. С.37–40.(0,25 п.л.).

19. *Евсеев, И. В.* Исправительно-трудовая система в пенитенциарной политике Советского государства. // Правовая система России: современное состояние и актуальные проблемы: мат. Всеросс. науч.-практ. конф. Москва: Издательская группа СВВВТ, 2009. С.52–54.(0,25 п.л.).

20. *Евсеев, И. В.* Пенитенциарный и исправительно-трудовой компонент в советской системе исполнения наказания в 1920 – 1930гг. / И. В. Евсеев, Т. И. Евсеев // Юридическая теория и практика: вестн. Челябинского гос. ин-та МВД. Челябинск: Из-во Челябинского гос. ин-та МВД, 2010. №1. С.92–94.(0,2 п.л.).

21. *Евсеев, И. В.* Категорийный состав спецконтингента и его территориальное размещение в Челябинской области в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)// Актуальные вопросы историко-правовой науки: мат. конф. Российского историко-правового общества. – Москва: Издательская группа СВВВТ, 2010.С.15–19.(0,4 п.л.).

22. *Евсеев, И. В.* Власть и заключенные: истоки и основы политики Советского государства в исправительных учреждениях (1917 – 1930 гг.). // Труды кафедры новейшей истории / под ред. С. А. Баканова, Г. А. Гончарова. Т.4. Челябинск: ООО «Издательство Рекпол», 2010. С.87–101.(1,4 п.л.).

24.*Евсеев, И. В.* Влияние спецконтингента исправительно-трудовой системы на развитие Южного Урала в 1930-1950 гг. //Закон и порядок. Материалы I международной научно-практической конференции. Москва: Издательство «Спутник», 2011. С.164–170.(0,3 п.л.).

25. *Евсеев, И. В.* О направлениях реформирования уголовно-исполнительной системы России. //Правовая система современного государства: актуальные проблемы и перспективы развития. I Всероссийская научно-практическая конференция Санкт-Петербург, 15-17 января 2011г. Москва: Издательская группа СВВВТ, 2011. С.40–52.(0,4 п.л.).

26. *Евсеев, И. В.* Основные направления развития уголовно-исполнительной системы СССР в 1920-1940 гг. //Законность и правопорядок

в современном обществе. Сборник материалы III Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного технического университета, 2011.С.280-285.(0,2 п.л.).